

Новые сведения об Акакии Акакиевиче Башмачкине и его авторе

рел даже в том, что у призрака Акакия Акакиевича выросли «преогромные усы».

Так по крайней мере трактует это событие комментарий к Полному собранию сочинений Гоголя (т. 3, стр. 686), и у нас нет оснований ему не верить, ибо ни в современных, ни в досоветских изданиях Гоголя (в том числе в знаменитом издании Н. Тихонравова) и в опубликованных там вариантах к «Шинели» нет и следа упоминаний о семеновских волнениях и уж тем более о полковнике Шварце, сидящем в яме (а по свидетельству М. И. Муравьева-Апостола — в навозной куче), который якобы и есть «значительное лицо».

«Значительное лицо» у Гоголя имеет гораздо более важные исторические прототипы, к тому же «значительное лицо» рассказывает в своем поступке, а «калчный зверь», как называли полковника Шварца, никаких рассказов по поводу измывательства над подчиненными не испытывал. А главное, к тому времени, когда призрак Башмачкина направился к Семеновским казармам (это финал повести), ему незачем было «с ненавистью искать «значительное лицо», ибо он давно с ним встретился и содрал с того теплую шинель».

Поражает, с какой настойчивостью наше, все еще советское литературоведение продолжает приобщать классиков к революционному движению. Поражает и отличающая это литературоведение «роскошь полупознаний», о которой как о язве российского образования писал еще Пушкин.

Недавно пример такой роскоши продемонстрировала Юнна Мориц, объявившая на первой полосе «Комсомольской правды» (см. № от 18 января с. г.), что «родители Гоголя были оба душевнобольными».

Я уважаю Юнну Мориц как поэта и человека, но истина (и в данном случае истина о Гоголе) мне дороже. А истина эта состоит в том, что ни в каких источниках, архивах, переписке совре-

менников, работах врачей, занимавшихся психикой Гоголя, нет ничего, что указывало бы на правдоподобие подобно-го заявления.

Собирая материалы к книге о Гоголе, я, может быть, ближе, чем другие, познакомился с Василием Афанасьевичем и Марией Ивановной Гоголь. Я читал их письма друг к другу, письма сына к ним, свидетельства современников, знакомых, соседей Гоголей, наконец опрашивал стариков на Полтавщине, которые еще помнили своих дедов, знавших родителей Гоголя. И всюду я встречал только одну благодарную память о них.

Их душевная жизнь стала на много лет и моей жизнью, и я могу без колебаний сказать: то, что написано о них Юнной Мориц, — неправда. Пусть простит она меня за резкость этих слов, но иначе оценить этот ее поступок я не в состоянии.

Мало того, что самсму Гоголю приходилось выслушивать при жизни обвинения в том, что он сошел с ума, теперь та же хула обращена на его добрейших родителей.

О, несчастная свобода слова! Как же она подшутила над нами! Мы по-прежнему знаем мало, а говорим много. Мы по-прежнему, прежде чем что-то прочесть, спешим что-то написать или сказать. Мы не взвешиваем своих слов, мы не отвечаем за них. Четырнадцать миллионов читателей в один час были оповещены о том, что у Гоголя были сумасшедшие родители. В один час была переброшена история, а заодно и история литературы.

И — ничего, и — никаких протестов.

Давайте будем осторожны с историей. Давайте сначала учиться, а потом учить. Свобода слова — это не безумный крик освободившегося от «всех пут» «сов...», а свобода знания и свобода признания над собою законов высшего Суда.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

В последнее время «Комсомольская правда», газета, которую я выписываю и высоко ценю, занялась вплотную личностью и творчеством Гоголя. Можно было бы лишь поприветствовать этот факт, если б интерес газеты к Гоголю не основывался на слухах, а еще точнее — на домыслах, нелепость и оскорбительность которых по отношению к творцу «Мертвых душ» очевидна.

18 декабря 1991 года газета напечатала материал «Мы так и не вышли из гоголевской «Шинели» с подзаголовком: «По случаю 150-летнего юбилея великой повести размышляет литературовед Марина Лобыцына».

Так о чем же размышляет этот литературовед? Она пишет, имея в виду «Шинель»: «Ведь существовал и первоначальный вариант финала — привидение, обретшее вполне мужественный вид, о каком и не мечтал затравленный Акакий, отправляется к Семеновским казармам. Гоголь вводит героя в гущу подлинного бунта Семеновского полка, случившегося в 1821 году. Призраком-мстителем направляется туда, где зреет возмущение и уже готовы к выступлению солдаты. Он ищет с ненавистью «значительное лицо» — полковника Шварца, укрывшегося в яме, что тоже было подлинным фактом».

Начнем с того, что волнения в Семеновском полку произошли не в 1821 году, а в октябре 1820 года. И был это никакой не «бунт», а возмущение нижних чинов жестоким обращением с ними полковника Шварца.

Во-вторых, цензура (если это была она) заменила в печатном тексте повести «Семеновские казармы» на «Обухов мост» не по причине резолюционных намерений Гоголя, а, скорее, не желая насмешки над военными, которую бдительный цензор книги Никитенко усмот-